

А. К. Каспаров
(ИИМК. СПб.)

Остатки грызунов и повседневная жизнь античных обитателей Причерноморья¹

Остатки грызунов в культурных слоях археологических памятников представляют для исследователя определенную проблему. Грызуны – животные норные, проводящие значительную часть жизни под землей, в глубоких норах, длина которых может составлять иногда несколько метров. Трудность интерпретации остатков Rodentia заключается в том, что зачастую невозможно установить, принадлежат ли найденные костные фрагменты животным, жившим во времена существования археологического памятника или это какие-то позднейшие интродуценты, вырывшие свои норы в археологических слоях и погибшие под землей, в результате эпизоотий или не пережив зимнюю спячку. Но всё же в некоторых, довольно редких случаях древность этих останков не вызывает сомнений. Это происходит тогда, когда на костях имеются следы человеческой жизнедеятельности: порезы, заполированность или следы огня.

В этой связи можно вспомнить, например, кости задних конечностей большого тушканчика или земляного зайца *Allactaga jaculus Pall.*, которые были найдены в колодце при раскопках поселения Панское в Западном Крыму. Там было множество целых бедренных и больших берцовых костей. Причем других костей этого животного обнаружено не было [Kasparov, 2002]. На двух из них были зафиксированы «отметки», похожие на следы ножа.

Земляной заяц – самый крупный из тушканчиков, обитающих на территории бывшего СССР. Длина его тела достигает 260 мм и вес до 500 гр. Естественно, что богатые мясом задние конечности этого крупного грызуна вполне могли использоваться в пищу при ограниченности ресурсов питания. Кости принадлежат либо взрослым, либо полувзрослым животным, когда отсутствует или оба, или только нижний эпифиз кости при том, что величина её уже вполне соответствует взрослому животному. Такая возрастная однородность говорит о том, что отлов производился в течение какого-то одного непродолжительного времени, в сезон, когда ювенильные особи еще не появились на свет либо не передвигались активно, а родившиеся в прошлом году уже достигли или почти достигли половой зрелости.

¹ Настоящая статья написана в рамках работы по научной теме НИР 0184-2019-0009

Можно предполагать, что отлов земляных зайцев проходил в весеннее время. С первыми заморозками этот зверек впадает в спячку и пробуждается в конце марта-апреле. Поскольку большой тушканчик активен исключительно в ночное время проще всего добывать его ловушками, которые устанавливаются у выхода из норы.

Ещё один пример такого рода: обнаружение на городище Нимфей в 2016 г. в хозяйственных ямах №№ 64, 65 и 67 на участке М трех скелетов обыкновенной полевки *Microtus arvalis* Pall., остатков пяти скелетов степной полевки *Microtus socialis* Pall., двух скелетов малого суслика *Citellus pygmaeus* Pall. и нескольких разрозненные костей грызунов, ближе не определимых. Все эти материалы датируются I–II вв н. э. Эти зверьки, по всей видимости, попали в ямы в момент их использования, пока они были пусты или заполнены водой и погибали там, не имея возможности выбраться наружу. Хотя, может быть, в мусор выбрасывали просто мертвых грызунов, пойманных ловушками или убитых каким-то другим образом. Весьма вероятно, что и это тоже тот случай, когда можно считать доказанным, что эти грызуны жили именно тогда, когда были вырыты ямы. Впрочем, непосредственного отношения к человеческой деятельности этот материал, возможно и не имеет.

Тем не менее, подобные находки свидетельствуют о том, что грызуны и в древности, так же как и сейчас, обитали в непосредственной близости от человека и, вероятно, наносили ощутимый вред продуктовым запасам, особенно зерна и бобовых.

Каким образом древние земледельцы пытались защитить собранный урожай от непрошенных потребителей, мы можем только гадать. В античных памятниках Восточного Крыма не часто, но регулярно встречаются останки кошек, судя по величине, несомненно домашних. Возможно кошка, которая была в те времена достаточно экзотическим домашним питомцем [Keller 1908, с. 57] несколько регулировала численность мышей и крыс в доме, не допуская их размножения сверх допустимого предела. Но её численности для этого было явно недостаточно. Потому зачастую приходилось прибегать к каким-то оккультным, мистическим ритуалам, чтобы защитить посевы и урожай от этих вездесущих вредителей.

Известно, что на античном Родосе отмечали праздник Сминфий, где чествовали Аполлона, избавившего людей от грызунов, портивших виноградную лозу [Иванов, 1994, с. 53–54]. В литературе описываются бронзовые фигурные гири в виде мышей, грызущих зерно, орех или печенье, иногда с мистическими знаками [Борисковская, 1973, с. 110], использовавшиеся, очевидно, для взвешивания сыпучих или зерновых продуктов. Таким образом, грызуны, несмотря на мелкие размеры и полную бесполезность для человека, оказывались включены в круг сакральных и мифологических образов античного мира. Мышь, изображенная с пшеничным, ячменным или ржаным колосом, чеканилась, например, на монетах Метапонта и некоторых других античных полисов (кстати – знаменитыми своими хлебными богатствами), известны также кумские монеты с изображением спящей мыши [Lang, 1884].

Вообще, в античной космогонии мышь была тесно связана с Аполлоном. Культ Аполлона Сминфейского (от *Σμινθεύς* «мышь») был распространен уже в Гомеровской Греции. Возможно, он и сам первоначально представлялся в виде мыши. Страбон, упоминает о таком храме Аполлона в Хрисе: «В этой Хрисе находятся святилище Аполлона

Сминфейского и эмблема, показывающая подлинное значение имени бога: именно у ноги статуи лежит мышь. Это произведение Скопаса из Пароса... Гераклид Понтийский сообщает, что мыши, во множестве водившиеся около святилища, считались священными, а поэтому статуя воздвигнута стоящей на мыши.» (Strabo XIII, 1, 48). На эту парадоксальную связь ничтожного грызуна с могучим античным богом гораздо позднее обращал внимание даже Максимилиан Волошин [Волошин, 1911].

Очевидно, что из-за связи мышей с Аполлоном и их способности хорошо видеть при очень слабом свете, который человеком воспринимался уже как темнота, древние наделяли их некими профетическими способностями. Плиний отмечал, что «...это животное, коим не следует пренебрегать, определяя знамения, значимые для государства» (Plin. NH, VIII, 221), ссылаясь, при этом на персидских магов, а также сообщает, что мыши «самые подходящие животные для религиозных обрядов». «Появление белых мышей, – снова замечает Плиний, – считается радостным предзнаменованием» (Plin. NH, VIII, 220).

Клавдий Элиан (конец II – начало III вв. н. э.) также сообщает интересную деталь, делающую мышей весьма удачным «материалом» для гаданий и магических ритуалов, поскольку их печень уменьшается и увеличивается в точном соответствии с циклами луны. Он также сообщает, что: «Мыши принадлежат к животным, щедрее прочих наделенным даром предвидения. Они первыми чувствуют, когда обветшалый дом грозит рухнуть, и, оставив свои норы и привычные укрытия, со всех ног бегут на новое место» (Aelian. Var. Hist., I, 11).

По утверждению других древних авторов мыши воплощали течение времени вообще, и считалось, что они способны предсказывать перемены погоды и смену времен года. Так, «крики» мышей предвещают наступление холодов, а перед дождем они перестают появляться в полях. Писк и «танцы» мышей означают скорую непогоду: при первых признаках дождя мыши лапками ворошат солому и спешно устраивают себе гнездо (Arat Phaen., 1130). Оживленное движение мышей перед грозой, их «танцы» и «пение», соотносилось также и с деятельностью Зевса, а их поведение – «хороводы» по мнению некоторых исследователей, ассоциировались с музами, тем более что и Аполлон, носил эпоним «Мусагет», то есть предводитель муз.

Интересно отметить, что Артемидор в своем «Соннике» о мышах пишет следующее: «...мышь означает домашнего раба, потому что живет в одном доме с хозяином, с ним вместе питается и очень боязлива. Поэтому хорошо, если снится, что в доме много мышей, веселых и беззаботных; это означает большую радость и приобретение множества рабов» (Artem. Oneir. III, 28).

Кроме того, в античной культуре мыши (вероятно, любые мышевидные грызуны) и крысы порою являлись животными, безусловно, имеющими отношение к хтоническому, подземному миру. В этой связи интересен тот факт, что в греческой традиции, начиная с Гомера, глагол «τρίζω», которым обозначались звуки, издаваемые мышами, использовался для описания «голоса» умерших, теней в подземном царстве (см., например: Hom. Od. XXIV, 5, 9). Вероятно, связью с подземным (потусторонним) миром объясняется и соотношение мыши с покидающей тело в момент смерти душой, отправляющейся в Аид. Поскольку мыши ассоциировались с землей, они вполне могли быть связаны и с обрядами в честь мертвых. В подтверждение этого можно сослаться

на описание Овидием ритуала, совершавшегося во время римского праздника Фералий, праздника поминовения мертвых, где мышь связывается с идеей немоты и слепоты [Herbermann, 1991, с. 60].

Примечательно, что почти в этой же связи «мышиный сюжет» присутствует среди немногих дошедших до нас свидетельств античных авторов о Боспорском «царстве». По, наверняка, заимствованному из какого-то местного источника рассказу Диодора Сицилийского, к которому он сам относится с некоторым скепсисом, боспорскому царевичу Сатиру (конец IV в. до н. э.) оракул советовал остерегаться мыши. Тот предпринимал всяческие меры, «чтобы предотвратить свой рок»: убивал мышей, замазывал их норы, никому не позволял носить соответствующее имя, но всё напрасно... Сатир погиб от раны в мышцу руки (Diod., XX, 26). А слова «мышь» и «мышца» и в греческом языке звучат и пишутся почти одинаково.

Показательно, что подобные представления лежали в основе использования «магических» способностей мышей в античной медицине. Они чаще всего выступали в качестве «лекарства» от слепоты и болезней зрения. Плиний и Марцелл Эмпирик утверждали, что зрение улучшается, если положить новорожденного слепого мышонка на глаза больного. В. Н. Топоров отмечает, что схожие верования зафиксированы впоследствии и на Балканах, в частности в Сербии и Румынии [Топоров, 1977, с. 58]. Интересно, что и другое животное, близкое мыши как мифологически, так и по величине и отчасти по условиям своего обитания, – крот, так же связано с врачеванием, являясь, как известно, священным животным Асклепия [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 532].

Разнообразные медицинские рецепты, направленные на преодоление всевозможных недугов, где в качестве ингредиентов фигурируют различные части мыши, содержатся у Гипократа: «Когда у женщины плохо пахнет изо рта и десны черные и плохие, сжечь порознь заячью голову и трех мышей; из двух мышей нужно вынуть внутренности без печени и почек; истолочь в каменной ступке мрамор или белый камень и просеять; потом смешать равные доли этих составных частей и этим надо натирать зубы и внутри рта; дальше натирать шерстью, пропитанной жиром, и тогда сполоснуть рот водой (Hipp. Annal. III, 263).

Великий римский врачеватель Гален цитирует рецепт снадобья, якобы написанный Клеопатрой, который предписывает использовать измельченные мышинные головы в качестве одного из ингредиентов мази для избавления от лысины. Она же советует носить мышинные мордочки в качестве оберега от лихорадки и оспы [McKeown, 2010, с. 11].

По чисто народным, бытовым поверьям, мышь в античности считалась одним из самых сексуально активных животных, что объяснялось обычной многочисленностью мышей и быстротой их размножения. У малоазийских греков существовало убеждение, что при нарушении супружеской верности мыши производят страшное опустошение в доме. Ревнивые римлянки тайно смазывали своих мужей мышиным пометом, дабы обеспечить супружескую верность. Вероятно, поэтому мыши связывались еще и с Афродитой (Венерой) и даже изображались рядом с ней на монетах (например, на статерах Киликии) [Топоров, 1982, с. 190].

Весьма удивительно, что грызуны, будучи сами по себе мелкими и малозаметными животными, имели такое значение в народной медицине и поверьях. Не только мышь

сама по себе, но и ее изображение, по всей вероятности, наделялось теми же качествами. В коллекции гипсовых слепков с античных резных камней, из собрания Государственного Эрмитажа встречено 16 оригинальных изображений, на которых так или иначе присутствует мышь. На некоторых мышь изображена вместе с петухом. Причем в некоторых случаях петух выступает в качестве противостоящего мыши персонажа. На трех изображениях мы видим мышь, управляющую повозкой с впряженными в нее петухами.

На других инталиях мышь присутствует с орешком, зажатым в лапках, играющей на духовом музыкальном инструменте – авлосе, на двух отгисках мышь изображена вместе с кошкой. На одной – она фигурирует, как пойманная кошкой добыча. На другой, более схематичной, некое животное, по всей видимости, кошка, выступает в качестве повелителя мыши, имея в лапах нечто вроде кнута. Такое разнообразие сюжетов говорит о заметной роли мыши в сакральном кругу и в кругу бытовых верований античного мира.

Оказываясь на кольце или амулете, грызун придавал ему те чудодейственные свойства, которыми его самого наделяло людское суеверие. Так что есть все основания полагать, что изображение, помещаемое владельцем на вещь, имело магическую функцию, то есть гемма могла служить не только печатью, украшением, но и его талисманом, от которого владелец ожидал благотворного влияния на какую-то, важную для него сторону своей жизни. Воспроизведение в античном мире грызунов на таких сугубо личных вещах, как резные вставки в перстни в виде инталий, говорит о том, что у греков и римлян они играли весьма видную роль в сакральной жизни и повседневных бытовых ритуалах.

Подводя итог, можно сказать, что мышевидные грызуны, не являясь сколько-нибудь важным домашним животным и обладая крошечными размерами, вполне могли бы оставаться вне сакрально-мифологического круга античной культуры. Однако тесная близость этих зверьков к человеку, его обитание в жилище и постоянное влияние, часто негативное на его повседневную жизнь, привело к тому, что грызуны в бытовом укладе античности играли гораздо большую роль, чем можно было бы предполагать.

В основном в древности придавалось большое значение таким качествам мышей, как обитание в норах, в толще земли, что в глазах людей того времени делало их близкими к хтоническим богам (или богам вообще). Отсюда использование мышей в обрядах и символике культов, посвященных мертвым, убеждения, что мыши могут знаменовать или предвидеть некие грядущие события и т. д. Возможно по этой причине мышь, обитатель подземного мира, в канонических сюжетах на античных резных камнях противопоставлялась не только кошке, своему извечному недругу, но и петуху, который исконно считался солярным символом.

Второе качество мышей – высокая плодовитость, определенная устойчивость к отрицательным воздействиям и постоянное присутствие в жилище, способствовало тому, что их или части их тела наделяли различными магическими и целебными свойствами, главным образом связанными с исцелением от разных болезней.

Символически мыши олицетворяли на бытовом уровне достаток и изобилие (вероятно в силу своей многочисленности). Возможно поэтому, печатка с изображением

мышь могла быть неким талисманом, привлекающим удачу или достаток в дом. Из-за шума, обычно производимого мышами в период, когда они активны, их почитали существами жизнерадостными и склонными к шумному веселью. Отсюда частые изображения мышей, как участников неких празднеств и процессий, играющих на музыкальных инструментах и т. д.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в античном мире грызуны, в первую очередь мыши, были теснейшим образом связаны с религиозными представлениями и народной медициной. И, как видно, в основном это были положительные коннотации. В связи с этим остатки грызунов, находимые при археологических раскопках, должны привлекать гораздо более пристальное внимание, несмотря на трудность их хронологической атрибуции.

В заключении автор хотел бы выразить сердечную благодарность Елене Николаевне Дмитриевой, канд. искусствоведения, мл. научному сотруднику отдела Античного мира Государственного Эрмитажа (С.-Петербург), за ценные советы и консультации.

Список литературы

- Арат, 2000. Арат. Явления / Пер., вступ. ст. и комм. К. А. Богданова // Античная библиотека. СПб.
- Артемидор, 1999. Артемидор Далдианский Сонник // Библиотека античной литературы. СПб.
- Борисковская, 1973. Борисковская С. П. Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л.
- Волошин, 1911. Волошин М. А. Аполлон и мышь // Северные цветы. № 5. М.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1984. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси.
- Гиппократ, 1941. Гиппократ. Сочинения. Т. 3. М.
- Гомер, 1987. Гомер. Илиада, Одиссея. XXIV. (Пер. с древнегреческого В. Вересаева). М.
- Иванов, 1994. Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. М.
- Плиний, 1994. Плиний. Естественная история. (Перевод, предисловие и примечание Г. А. Гароняна). М.
- Страбон, 1994. Страбон. География. (Пер. Г. Стратановского). М.
- Топоров, 1977. Топоров В. Н. Mousai «Музы»: соображения об имени и предыстории образа [к оценке фракийского вклада] // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М.
- Топоров, 1988. Топоров В. Н. Мышь // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.

- Элиан, 1963. Элиан Клавдий. Пестрые рассказы. (Пер. с древнегреческого С. В. Поляковой). М.-Л.
- Herbermann, 1991. Herbermann C.-P. Antike Etymologic // Sprachtheorien der abendlandischen Antike. Tübingen.
- Kasparov, 2002. Kasparov A. K. Osseous remains // Hannestad L. and other. Archaeol. Investigation in W. Crimea. Panskoe I. Append. 5. Aarhus: Aarhus Univers. Press.
- Keller, 1908. Keller O. Zur geschichte der katze im altertum // Mitteilungen des kaiserlich deutschen archaeologischen instituts. Roemische abteilung. v. 23.
- Lang, 1884. Lang A. Custom and Myth // <http://www.gutenberg.org/files/14080/14080-h/14080-h.htm>
- McKeown, 2010. McKeown J. C. A Cabinet of Roman Curiosities: Strange Tales and Surprising Facts from the World's Greatest Empire. Oxford. Oxford University Press.

Summary

A. K. Kasparov

**The remains of rodents and the daily life of the ancient inhabitants
of the Black Sea coastal region**

This article deals with the problem of interpreting of osteological remnants of rodents from antique monuments of the Eastern Crimea. The possibility of a reliable linking of these finds to one or another archaeological layer is discussed. It was shown that mouse-like rodents played an unexpectedly significant role in the sacred and mythological views of the ancient world. There are numerous examples of ancient beliefs that endowed rodents with various mystical or prognostic functions. In this regard, it is proposed to pay more attention to these osteological remains than it was previously practiced.